

КАРТИНЫ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Н. Г. Тарасова, А. О. Гартвига и С. П. Гречушкина.

Картины размѣромъ 60×45 см. (съ полями 76×62 см.) на паспарту изъ бристольской бумаги съ оригиналовъ, исполненныхъ **спеціально** для этого изданія художниками: **И. Я. Билибинымъ, А. М. Васнецовымъ, В. М. Кустодіевымъ, Н. В. Лебедевымъ, В. Е. Маковскимъ, А. О. Максимовымъ и Л. О. Пастернакомъ.**

Картины имѣютъ цѣлью обрисовать экономическую, социальную, политическую и духовную жизнь въ различные культурно-историческіе моменты.

Первая серія — 30 картинъ.

I. Приднѣпровье VII—XII вв.

1. Славянскій поселокъ.
2. Полюдьѣ.
3. Съѣздъ князей.
4. Половецкій набѣгъ.
5. Въ монастырѣ.

II. Сѣверная Русь XIII—XV вв.

8. Вѣче въ Новгородѣ Великомъ.
9. На пристани въ Новгородѣ.

арство XVI—XVII вв.

15. У воеводы.
16. На городской площади.
17. Въ Боярской думѣ.
18. Совѣтъ всея Руси.
19. Запорожцы.

ерія XVIII—XX вв.

25. Въ 30-хъ годахъ.
26. Дореформенный судъ.
27. На земскомъ собраніи.
28. Судъ присяжныхъ.
29. На заводѣ.

твенной думѣ.

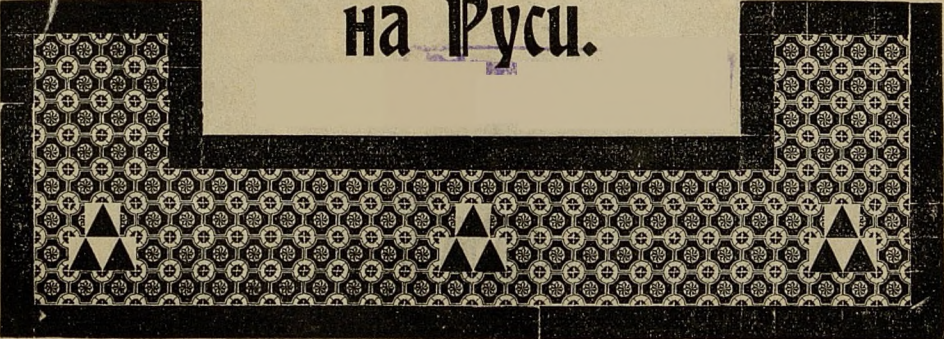
== ИЗДАТЕ В. В. ДУМНОВА. ==

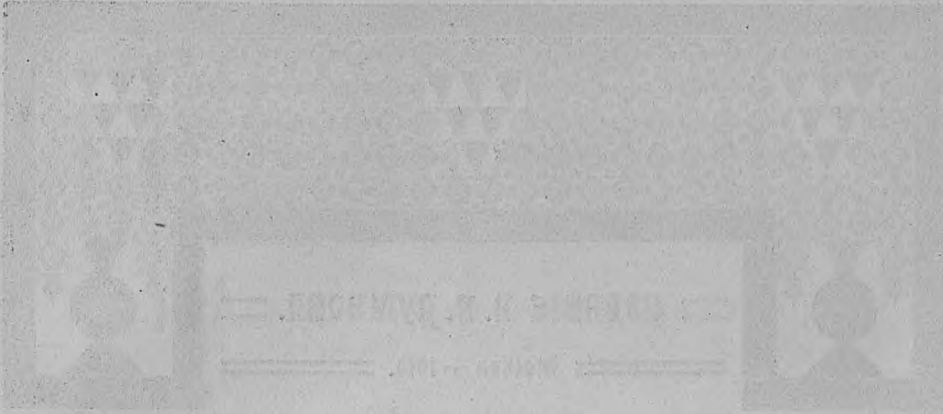
== Москва — 1910. ==

С. И. ГРЕЧУШКИНЪ.

 ИЗЪ
РУССКОЙ
ИСТОРИИ.

Начало христіанства
на Руси.

Г. ЛИСНЕРА И Д. СОВКО

ВЪЗДВИЖКА
КРЕСТОВОЗДВИЖНИКЪ
ИЛИ

ФАН

САМОНЕЖИМАЮЩИХСЯ

ТИПОГРАФІЯ Г. ЛИСНЕРА И Д. СОВКО.

Воздвиженка, Крестовоздвиг. пер., д. 9.

УПРАВЛЕНИЕ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
1896

Съ картины К. В. Лебедева.

Проповѣдь христіанства.

Начало христіанства на Руси.

На многія тысячи верстъ растянута великая Восточная равнина. Однообразна она, не поражить глазъ неожиданностью, рѣзкимъ переходомъ: лѣса да поля, рѣки да болота. И это на всемъ протяженіи отъ Бѣлаго моря до Чернаго, отъ Балтики до Каспія. Лѣсами заняты огромныя безконечныя площади; великія и малыя рѣки сѣтью покрыли всю равнину. На сѣверо-западѣ — безчисленныя озера, на юго-востокѣ — безкрайныя степи довершаютъ сѣрую картину однообразія восточной части Европы — пространства, занимаемаго нынѣшней Европейской Россіей. Здѣсь на полномъ привольѣ, не стѣсняемая никѣмъ и ничѣмъ, разбросались многочисленныя племена различныхъ народовъ. Часть изъ нихъ ведетъ кочевой образъ жизни (преимущественно азіатскіе выходцы), часть — болѣе или менѣе осѣдлый. Къ послѣдней принадлежало и славянское племя, ставшее потомъ господствующимъ и основавшее Русское государство.

Славяне, при первоначальномъ своемъ движеніи съ юга на сѣверъ, селились по берегамъ рѣкъ; по рѣкамъ и шло первое народоразселеніе. Водные пути у первобытныхъ народовъ являлись единственными путями при ихъ передвиженіяхъ на сколько-нибудь значительныя разстоянія. Осѣдая среди полей и лѣсовъ по берегамъ рѣкъ, переселенцы, въ зависимости отъ характера мѣстности, и пріобрѣтали свои названія. Такъ одни назвались *Полянами*, другіе *Древлянами*, третьи получили свое имя отъ рѣки Пологвы — *Полочане* и т. д.

Главнымъ занятіемъ большинства этихъ славянскихъ племенъ были охота и хлѣбопашество, но нѣкоторые сѣверные

и южные города вели также и торговлю съ сосѣдными народами. Огромные, протянувшіеся на тысячи версть, дремучіе лѣса сѣверной стороны были переполнены пушнымъ звѣремъ и всевозможною дичью; плодородныя поля Приднѣпровья давали обильные урожаи, — весь избытокъ этого и отправлялся въ сосѣднія иноплеменные страны.

Несмотря на обиліе своихъ богатствъ, суровая нелюдимая природа неохотно дѣлилась ими съ нашими предками. Она всюду ставила имъ преграды, часто проявляла свои стихійныя силы. Многоводныя рѣки были бурливы и грозны, нерѣдко онѣ, разгнѣвавшись, разбивали утлыя ладьи и хоронили въ своихъ глубинахъ отважныхъ рыбаковъ. Случалось, солнце безпощадно сжигало посѣвы, или, неизвѣстно откуда, вдругъ, набѣгали тучи, соединялись вмѣстѣ въ одно черное грозное пятно и, разразившись градомъ, побивали злосчастныя нивы. Но ревнивѣе всѣхъ оберегалъ свои богатства старый угрюмый лѣсъ. Онъ былъ недоволенъ человѣкомъ, вторгнувшимся въ его предѣлы. Шумѣлъ и гнѣвался; и что-то таинственное, жуткое было въ этомъ шумѣ, въ шопотѣ великановъ-деревьевъ. Онъ завлекалъ охотника въ свои дебри заманчивою близостью звѣря, онъ кружилъ его, сбивалъ съ тропы его же собственными слѣдами, пугалъ его крикомъ неизвѣстныхъ птицъ. Въ особенности страшнымъ становился лѣсъ съ наступленіемъ сумерокъ. Изъ темныхъ непроходимыхъ чащъ выходили безликія, неуклюжія тѣни; тысячами бездонныхъ глазъ онѣ шарили вокругъ, въ надеждѣ найти себѣ жертву. Зловѣщія ночныя птицы заманивали запоздашаго охотника дѣтскимъ плачемъ и ауканьемъ. И горе было тому, кто, повѣривъ этимъ голосамъ, шелъ въ лѣсъ. Съ злобной радостью устремлялись на него со всѣхъ сторонъ невидимые духи; даже деревья и тѣ тянули къ нему свои цѣпкія, крючковатыя руки. Только и было одно спасеніе въ заклинаніи.

Находясь всюду въ зависимости отъ окружающей суровой, таинственной природы, чувствуя постоянно надъ собою ея стихійную власть, первобытный народъ не могъ не обоготворить нѣкоторыя ея, наиболѣе непонятныя для него явленія.

Одно изъ самыхъ грозныхъ и поразительныхъ явленій природы — гроза и молнія. Эти силы приписываются славянами верховному божеству Перуну. Перунъ, онъ же Сварогъ¹⁾, гнѣвъ и грозенъ, но правдивъ. Онъ своими огненными стрѣлами наказываетъ не только людей, но и боговъ. Передъ нимъ все падаетъ ницъ. Славяне боятся его. Но зато есть другое божество, которое они любятъ и не боятся — это Солнце. Солнце — сынъ Сварога, одинъ изъ Сварожичей²⁾. Пусть у Солнца нѣтъ такой силы и могущества, какими обладаетъ Перунъ, но оно ласково, любитъ людей и ежедневно показывается имъ. Оно растапливаетъ снѣга и льды, оно способствуетъ произрастанію травъ; безъ него никогда не созрѣли бы нивы. И славяне сочувствуютъ, сострадаютъ Солнцу въ его постоянной борьбѣ съ другимъ злымъ божествомъ — мракомъ; жалѣютъ его, когда оно, обезсиленное, уступаетъ послѣднему на время ночи свое владычество. Вмѣстѣ съ солнцемъ обоготворялись мѣсяць и звѣзды, находившіеся съ нимъ въ родственныхъ отношеніяхъ. Считались также божествами вѣтеръ, вода и воздухъ³⁾. Солнцу и посвящены главные языческіе праздники. Въ концѣ декабря, когда солнце начинаетъ брать силу, и дни прибавляются, — справлялся праздникъ Коляды. Существенный обрядъ праздника состоялъ въ хожденіи славить (божество) и собираніи приношеній для общей жертвы. Слѣдующій праздникъ происходилъ въ началѣ весны. Зима — смерть олицетворялась въ образѣ женщины, чучело которой и сжигалось при общемъ ликованіи. Для встрѣчи весны употреблялись заклинанія съ разными припѣвами; водились хороводы. Это время считалось самымъ

¹⁾ *Сварогъ*, индѣйское *сварга*, сложено изъ двухъ частей: *свар* — небо, свѣтъ, и изъ окончанія *га*, означающаго хожденіе; слѣдовательно, *сварга* имѣетъ смыслъ пребыванія на небѣ или хожденія по небу.

²⁾ Въ одномъ мѣстѣ Ипатьевской лѣтописи говорится: „И по семь (т. е. по Сварогѣ) царствова сынъ [его, именемъ Солнце, его же нарицають Дажьбогъ... Солнце царь сынъ Свароговъ, иже есть Дажьбогъ“. Братомъ солнца, [сыномъ Свароговымъ, называется также и огонь: „Огневи молятся, зовуть его Сварожичемъ“.

³⁾ Кромѣ Перуна и Хорса-Дажьбога, въ Кіевѣ во времена Владимира, стояли кумиры Стрибога, Симарглы (Сима и Регла) и Мокоша. О первомъ, какъ богъ вѣтровъ, можно заключать изъ „Слова о полку Игореву“, гдѣ вѣтры называются Стрибоговыми внуками; объ остальныхъ же двухъ ничего неизвѣстно.

приличнымъ для заключенія браковъ¹⁾. Третій праздникъ приходился на 23-е іюня и носилъ названіе Купалы. Онъ посвящался тремъ божествамъ: Солнцу, Огню и Водѣ. Въ ночь подъ этотъ праздникъ, по вѣрованію нашихъ предковъ, травы приобрѣтали чудодѣйственную силу, вода исцѣляла отъ всякихъ недуговъ, огонь становился очищающимъ. Этою ночью происходило собираніе травъ, прыганье черезъ зажженные костры, купанье. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, одновременно справлялся также и праздникъ Ярилы — бога естественныхъ желаній; другіе справляли его нѣсколько позднѣе.

Кромѣ божествъ стихійныхъ, у славянъ были и другія — это души умершихъ. Вѣря въ загробную жизнь, славяне естественно вѣрили и въ то, что ихъ умершій родоначальникъ и за гробомъ продолжаетъ заботиться о благосостояніи своего рода. Богъ рода Щуръ или Чуръ могъ также защитить своего родича отъ козней злыхъ духовъ, стоило только призвать его: „Чуръ меня! Чуръ!“ Впослѣдствіи Чуръ былъ переименованъ въ Домового. Своимъ младенческимъ умомъ первобытнѣйшій народъ не могъ понимать духовнаго существованія за гробомъ. Онъ думалъ, что умершимъ, какъ и живымъ, также доступны всѣ земныя ощущенія. Зимой они томятся въ своихъ гробахъ. (Въ первый праздникъ Солнца (Коляду) выходятъ на волю и тѣшатся, пугая людей; съ началомъ весны они совсѣмъ покидаютъ свои темницы и расселяются по лѣсамъ, рѣкамъ и селеніямъ; иногда они нуждаются и въ пищѣ. Для послѣдней цѣли, на масленицѣ, первый блинъ клался на слуховое окно, при этомъ приговаривалось: „Честные наши родители! вотъ для вашей души блинокъ“. Въ праздникъ Радуницы²⁾, въ началѣ весны, живые ходили къ умершимъ на могилы здороваться съ ними и оставляли тамъ для нихъ поминавенную пищу. Послѣ этого праздника души умершихъ окончательно покидали свои темницы вплоть до наступленія слѣдующей зимы.

¹⁾ Съ наступленіемъ христіанства этотъ праздникъ, въ виду совпаденія его съ великимъ постомъ, былъ раздѣленъ надвое: половина его стала праздноваться въ концѣ рождественскаго мясоѣда (масленица), а другая половина послѣ Пасхи, на Красной горкѣ.

²⁾ Радуница — отъ литовскаго *Ранда* — погребальная пѣсня.

Итакъ, весна приносила съ собою радость жизни не однимъ только живымъ, но и мертвымъ, и они наслаждались ею въ полной мѣрѣ. Лѣса оживлялись грознымъ хохотомъ лѣсовиковъ, ауканьемъ вѣдьмъ и беззубымъ шипѣньемъ кикиморъ; изъ воды, выставивъ свою косматую, покрытую зарослями, голову, смотрѣлъ зелеными глазами и весело фыркалъ Водяной. Въ лунныя ночи, изъ глубокихъ рѣчныхъ омутовъ, выплывали зеленоволосыя русалки. Онѣ любили побѣгать по мягкой муравѣ луговъ, поводить веселые хороводы, подразнить звонкимъ хохотомъ стоголосое эхо. Онѣ любили качаться надъ самою водою на вѣтвяхъ прибрежныхъ деревьевъ. Если невдалекѣ былъ одинокій путникъ, онѣ веселыми пѣснями или плачемъ заманивали его къ себѣ. Но путникъ зналъ, что если онъ, повѣривъ голосамъ, приблизится къ рѣкѣ, то дружной толпой окружаютъ его рѣчныя красавицы, защекочутъ до смерти и унесутъ съ собою на глубокое илистое дно омута.

Дошедшіе до насъ документы не говорятъ, были ли у нашихъ предковъ какіе-либо храмы; не упоминается ничего также и о жрецахъ. Вездѣ, когда рѣчь идетъ о приносимыхъ жертвахъ или вновь воздвигаемыхъ идолахъ, то упоминаются только начальники рода, или князья. Изъ этого можно заключить, что у славянъ специальныхъ жрецовъ не было, а эту роль исполнялъ старшій въ родѣ, его начальник¹⁾. Жертвенниками славянамъ служили естественныя капища (шатры, навѣсы) — многовѣтвистыя деревья. Предпочитались тѣ изъ нихъ, которыя росли вблизи воды (рѣки или озера). Выбранное для этой цѣли дерево освящалось, и подъ нимъ совершались религіозныя обряды и приносились жертвы. Само дерево становилось съ сей поры уже священнымъ, какъ мѣстопребываніе боговъ. Жертвы состояли изъ различнаго скота и птицъ; но, когда божество было чѣмъ-нибудь особенно сильно разгнѣвано, то для его умилостивленія приносилась человѣческая жертва. Кидался жребій, и на кого онъ падалъ, тотъ и считался избраннымъ боже-

¹⁾ Профессиональными служителями религіи были также волхвы-кудесники, занимавшіеся прорицаніемъ, предсказаніемъ будущаго. Въ полномъ смыслѣ слова жрецами эти волхвы не были.

ствомъ для своей трапезы. Какъ примѣръ, можно привести слѣдующій случай, описанный нашимъ лѣтописцемъ.

Послѣ войны съ ятвягами, князь Владимиръ, еще будучи язычникомъ, захотѣлъ возблагодарить боговъ за дарованную побѣду человѣческою кровью. Брошенный жребій палъ на одного юношу — сына варяга-христіанина. Напрасно отецъ уговаривалъ присланныхъ съ роковою вѣстью, что боги языческіе не суть боги, а бездушные истуканы, созданіе человѣческихъ рукъ, что одинъ есть истинный Богъ, Творецъ неба и земли, — народъ требовалъ намѣченную жертву. Тогда варягъ, стоя съ сыномъ въ сѣняхъ своего дома, обратился къ кричащей толпѣ со словами: „Если боги ваши суть точно боги, то пусть они пошлютъ одного изъ среды себя, чтобы взять сына моего, — а вы чего хлопочете?...“ Разгнѣванная толпа язычниковъ бросилась тогда рубить сѣни дома, и отецъ съ сыномъ были погребены подъ ихъ развалинами¹⁾. Память этихъ первыхъ мучениковъ Федора и Іоанна, церковь чтить и донинѣ 12-го іюля.

Широкими потоками, во всѣ концы міра, разливалось съ востока великое нравственное ученіе. Въ предѣлахъ римскихъ христіанство сіяло яркимъ свѣтомъ; изумляли міръ своею святостью великіе учителя и подвижники; составлялись Вселенскіе Соборы, утвердившіе святую вѣру на всѣ послѣдующіе вѣка. Только эти потоки не достигали разсѣяннаго по великой равнинѣ многочисленнаго славянскаго племени.

Правда, нѣкоторые древніе документы даютъ основаніе предполагать, что двумъ славянскимъ народамъ, а именно — Угличамъ и Тиверцамъ христіанство было извѣстно еще во II или даже въ I вѣкѣ по Р. Х. Города и поселки Угличей и Тиверцевъ были раскинуты между устьями Дуная и Днѣстра (область нынѣшней Бессарабіи). Христіанство могло среди нихъ распространиться, благодаря сосѣдству грековъ-колонистовъ, обширныя колоніи которыхъ находились здѣсь же, при самыхъ устьяхъ Дуная и Днѣстра. Какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ къ половинѣ II вѣка христіанство было уже довольно распространено;

¹⁾ По другимъ источникамъ они были растерзаны разъяренной толпой.

въ Малой Скиѣи, въ гор. Томи вскорѣ была учреждена даже епископская кафедра. Но говорить много объ Угличахъ и Тиверцахъ едва ли нужно, такъ какъ при образованіи Русскаго государства эти два племени не вошли въ его первоначальный составъ; они были присоединены гораздо позже¹⁾.

Что же касается другихъ племенъ и главнымъ образомъ Кіевскихъ Полянъ, обитавшихъ по берегамъ Днѣпра и составившихъ собою ядро Россіи, то въ первые вѣка христіанство, очевидно, мало было имъ извѣстно, такъ какъ во второй половинѣ IX вѣка о немъ не сохранилось даже воспоминанія. Впрочемъ, существуетъ преданіе о путешествіи ап. Андрея черезъ Русь по великому водному пути *изъ Греки въ Варягъ*²⁾, въ Римъ. Позднѣйшіе церковные историки, по многимъ очень основательнымъ причинамъ, сомнѣваются въ фактѣ посѣщенія апостоломъ центральной Руси³⁾. Но мы все-таки приведемъ эту повѣсть.

Проповѣдуя евангеліе по южному (азиатскому) черноморскому побережью, ап. Андрей пришелъ однажды изъ Синопа въ Корсунъ (Херсонесъ Таврической) и здѣсь узналъ, что недалеко отсюда находится устье Днѣпра. У апостола явилось желаніе побывать въ Римѣ. Поднимаясь вверхъ по Днѣпру, ап. Андрей остановился для ночлега у берега подъ горами. Утромъ, показывая своимъ ученикамъ на горы, апостоль пророчествовалъ: „Видите ли эти горы? Смотрите, ибо на этихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія, будетъ построень на нихъ великій городъ, и Богъ воздвигнетъ на нихъ многія церкви“. Послѣ этого онъ взошелъ на горы, благословилъ ихъ и на

¹⁾ Угличи и Тиверцы въ 914 году были покорены Игоремъ, но черезъ 30—40 лѣтъ они подпали подъ власть Печенѣговъ, подъ которой и оставались, спустя много времени, и послѣ крещенія кіевлянъ.

²⁾ Великій водный путь *изъ Греки въ Варягъ* начинался отъ Чернаго моря по Днѣпру до его верховьевъ, тамъ волокъ лодки (волочилися посуху) до рѣки Ловати, которая впадаетъ въ озеро Ильмень; отсюда Волховомъ въ Ладожское озеро, а затѣмъ черезъ Варяжское (Балтійское) море и въ самую *Варяги*. Изъ Варягъ, между прочимъ, можно было проѣхать и въ Римъ.

³⁾ Подробное разсужденіе по сему вопросу можно найти у Е. Голубинскаго въ его „Исторіи Русской церкви“, т. I, стр. 19—34.

одной водрузилъ крестъ (тамъ, гдѣ впоследствии былъ построенъ Кіевъ).

При первыхъ двухъ великихъ князьяхъ о христіанствѣ на Руси ничего неизвѣстно. Но въ правленіе Игоря среди кіевскихъ варяговъ уже имѣется много христіанъ. Ихъ столько, что они представляютъ изъ себя цѣлую христіанскую общину. У нихъ есть храмъ во имя пророка Іліи. Есть основаніе думать, что и самъ великій князь былъ также сторонникъ христіанства, но, по политическимъ соображеніямъ, не могъ признать себя открыто христіаниномъ, какъ это сдѣлала послѣ его смерти кн. Ольга, его жена.

Является вопросъ, — откуда столь неожиданно на первый взглядъ, при Игорѣ появилось въ Кіевѣ столько варяговъ-христіанъ, тогда какъ до него о нихъ еще ничего не было слышно? На это находимъ отвѣтъ: въ княженіе Игоря воины-варяги въ большомъ количествѣ переходили изъ Константинополя служить русскому князю. Причиной были лучшія условія при княжескомъ дворѣ, да и самая русская природа болѣе соотвѣтствовала натурѣ сѣверо-западныхъ выходцевъ. Пополняясь постоянно вновь прибывающими въ Кіевъ крещеными варягами, христіанство въ то же время росло и внутри себя. Если его ростъ былъ не за счетъ народныхъ массъ господствующаго племени, то за счетъ уже ослабянншихся варяговъ-язычников¹⁾, а также отчасти и вліятельнаго сословія славянъ (дружина князя). Такимъ образомъ первыми насадителями христіанства въ Русскомъ государствѣ были варяги, получившіе его отъ грековъ.

Послѣ смерти Игоря, за трехлѣтняго Святослава правительницею государства стала мать его Ольга. Въ началѣ ея правленія христіанство продолжаетъ постепенно расти. Въ Кіевѣ насчитывается уже нѣсколько церквей. Когда Святославъ ста-

¹⁾ Какъ извѣстно, съ Рюрикомъ въ Русскую землю много пришло варяговъ-воиновъ являлись они и послѣ служить великому князю. Отъ основанія Русскаго государства до княженія Игоря прошло болѣе 50 лѣтъ; времени достаточно для обрусѣнія. Христіанство не могло распространиться въ народѣ по причинѣ обособленности военного сословія.

новится самостоятельнымъ, и вліяніе на него матери, христіанки въ душѣ, ослабляется, — христіанство останавливается въ своемъ ростѣ. Святославъ не въ отца. Въ немъ кипитъ воинственная кровь дѣдовъ-язычниковъ. Онъ не поднимаетъ открытаго гоненія на христіанъ, но за то и не покровительствуетъ имъ.

Передавъ сыну управление страной, Ольга принимаетъ крещеніе¹⁾, но не беретъ подъ свою защиту христіанъ; она далека теперь отъ всякихъ общественныхъ дѣлъ. Число христіанъ съ этого времени начинаетъ какъ бы понижаться. Часть ихъ, можетъ быть, начинаетъ разбредаться изъ Кіева въ окрестности, подальше отъ княжескаго двора; другая часть — воины — вновь въ Греческую землю. При Ярополкѣ христіанство снова начинаетъ увеличиваться въ виду покровительственнаго отношенія князя къ этой религіи. Такъ продолжается вплоть до его смерти (онъ погибъ отъ руки Владимира 20—23-лѣтнимъ юношей) и занятія Владимиромъ великокняжескаго престола.

Утвердившись въ Кіевѣ, Владимиръ ознаменовалъ начало своего правленія усердной постановкою языческихъ идоловъ и принесеніемъ имъ жертвъ. Лѣтописецъ говоритъ объ этомъ слѣдующее: „И нача княжити Володимеръ въ Кіевѣ единъ, и постави кумири на холму внѣ двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его серебряну, а усъ златъ, и Хорса Дажьбога, и Стрибога, и Симарыла и Мокошь; и жряху имъ, наричуще я боги, и привожаху сыны своя и дщери и жряху бѣсомъ и оскверняху землю требами своими, и осквернися кровьми земля Руска и холмъ отъ“ (холмъ тотъ). Есть основаніе думать, что столь ревностное служеніе язычеству князя Владимира происходитъ не столько отъ его религіозныхъ убѣжденій, сколько отъ другихъ причинъ. Одною изъ нихъ было желаніе угодить своимъ подданнымъ язычникамъ, не довольнымъ кн. Ярополкомъ за его явную склонность къ христіанству.

¹⁾ Мѣсто и время крещенія кн. Ольги съ точностью не установлены. Лѣтописецъ говоритъ, что для принятія христіанства она путешествовала въ Константинополь, гдѣ крещена была патриархомъ, имѣвшимъ своимъ воспріемникомъ императора. Годъ указывается 955 или 957.

Владимиру, чтобы почувствовать себя прочно на великокняжескомъ престолѣ, необходимо было подняться въ глазахъ своего народа, заслужить его симпатіи. И онъ въ первые годы своего княженія въ Кіевѣ воздвигаетъ кумиры языческимъ богамъ и приносить обильныя жертвы, иногда даже человѣческія (см. выше объ убитыхъ Θεодорѣ и Іоаннѣ); но самъ онъ въ душѣ плохой язычникъ. Язычество не удовлетворяетъ ни его умъ, ни его душу.

Еще съ дѣтства, будучи знакомъ съ христіанствомъ, а потомъ часто соприкасаясь съ нимъ¹⁾, Владимиръ мало-по-малу пришелъ къ убѣжденію въ его превосходствѣ надъ язычествомъ²⁾, рѣшился принять христіанство самъ и крестить свой народъ. Помимо желанія дать народу истинную вѣру княземъ руководили и другія соображенія. Къ этому времени уже вся Европа (за исключеніемъ венгровъ да русскихъ) исповѣдывала христіанскую вѣру. А чтобы пріобщиться къ культурнымъ народамъ, какъ того хотѣлъ онъ, нужно было отказаться отъ вѣры отцовъ.

Вопросъ, гдѣ и кѣмъ былъ крещенъ кн. Владимиръ, до сихъ поръ остается нерѣшеннымъ. Лѣтописецъ говоритъ объ этомъ такъ. Въ 988 году Владимиръ предпринялъ походъ на Корсунь. Долго онъ не могъ взять укрѣпленнаго города, не смотря на всѣ свои усилія. Онъ угрожалъ корсунцамъ держать ихъ въ осадѣ цѣлые три года; послѣдніе все-таки не сдавались. Наконецъ, нѣкто „мужъ корсунянинъ“ пустилъ изъ осажденнаго города стрѣлу съ надписью: „за вами къ востоку находятся колодези, откуда корсунцы получаютъ воду черезъ трубы; перекопайте водопроводы“. Услышавъ это, Владимиръ воззрѣлъ на небо и воскликнулъ: „если это сбудется, я не

¹⁾ Князь Владимиръ лѣтъ до 10—11, а можетъ быть и болѣе, вмѣстѣ съ Ярополкомъ воспитывался своею бабкою кн. Ольгой, которая въ то время, если не принимала еще православія, то уже была въ душѣ христіанкой.

²⁾ Существуетъ преданіе, что къ кн. Владимиру, года за два до его крещенія, приходили послы съ предложеніемъ своихъ вѣръ: отъ волжскихъ болгаръ (магометане), изъ Рима, отъ хозарскихъ жидовъ и отъ грековъ. Князю понравилась греческая вѣра. Потомъ онъ послалъ и самъ своихъ пословъ въ чужія страны для „испытанія“ вѣръ. Послы его нашли греческую вѣру тоже лучшею изъ всѣхъ.

премѣнно крещусь“. Сообщение оказалось вѣрнымъ. Занявъ Корсунь, князь послалъ сказать Греческимъ императорамъ Василію и Константину: „Вашъ славный городъ я взялъ, такъ поступлю я и съ вашею столицею, если не отдадите за меня сестры своей, которая, какъ слышно, есть у васъ“. Императоры съ своей стороны потребовали отъ него, чтобы онъ крестился, соглашаясь только подъ этимъ условіемъ исполнить его желаніе. Владимиръ согласился. Въ это время (по Божію устроенію) у великаго князя разболѣлись глаза: онъ ничего не могъ видѣть ими. Прибывшая вскорѣ изъ Константинополя царевна Анна велѣла сказать ему, чтобы скорѣе крестился, только тогда и получить исцѣленіе. И въ ту минуту, какъ пріѣхавшій вмѣстѣ съ царицею изъ Царьграда первосвященникъ возложилъ на крещаемого руку, Владимиръ мгновенно прозрѣлъ и воскликнулъ, выходя изъ св. купели: „вотъ теперь-то впервые узрѣлъ я Бога истиннаго!“ Многіе изъ дружины, видя совершившееся чудо, тутъ же послѣдовали примѣру своего князя, принявъ православіе.

Возвратившись въ Кіевъ, Владимиръ приступаетъ и къ крещенію своего народа. Прежде всего онъ истребляетъ всѣхъ, находящихся въ городѣ идоловъ, а потомъ отдаетъ приказъ, чтобы всѣ жители явились къ рѣкѣ. На другой день весь Кіевъ былъ на берегу Днѣпра и Почайны. И явившійся со священниками князь Владимиръ приступилъ къ крещенію язычниковъ. Точно такъ же происходило крещеніе и въ другихъ городахъ: князь приказывалъ, и всѣ шли; кто ослушивался — вели силою. Позднѣйшіе церковные историки, по вопросу о крещеніи народа, высказываютъ предположеніе, что оно происходило не совсѣмъ такъ, какъ описываетъ нашъ лѣтописецъ¹⁾. Крещенію вездѣ предшествовала проповѣдь. Кто являлись проповѣдниками, неизвѣстно. Но ими могли быть кіевскіе варяги-христиане, болгарскіе священники и миссіонеры, а также Венгерскіе или Угорьскіе — русскіе, жившіе по ту сторону Карпатскихъ горъ. Языкъ болгаръ былъ довольно близокъ нашему, а Угорь-

) Е. Голубинскій, „Исторія Русской церкви“, т. I, стран. 163—168.

скіе — русскіе говорили на одномъ и томъ же нарѣчій съ кіевлянами. Какъ тѣхъ, такъ и другихъ князю ничего не стоило позвать. Что же касается грековъ, то несмотря на ихъ проповѣдническія способности, Владимиръ едва ли могъ ими воспользоваться, или по крайней мѣрѣ ими одними, такъ какъ въ Греціи не знали русскаго языка.

Вслѣдъ за Кіевомъ началось распространеніе христіанства и въ другихъ городахъ и областяхъ. Но опять-таки крещенію вездѣ предшествовала болѣе или менѣе продолжительная проповѣдь. Надо думать, что христіанство насаждалось въ слѣдующемъ порядкѣ. Сначала миссіонеры являлись въ городъ, и когда большая, или меньшая половина жителей, подготовленная проповѣдью, склонна была принять христіанство, княземъ отдавался приказъ явиться всѣмъ къ рѣкѣ для крещенія. Окрестивъ городъ, приступали и къ его области. Съ послѣдней было уже меньше хлопотъ. Область смотрѣла, что скажетъ городъ, ея голова, — такъ и поступала. „На что старѣйшіи (т.-е. городъ) сдумаютъ, на томъ же пригороды стануть“.

На нашей картинѣ изображенъ моментъ проповѣди христіанства въ одномъ изъ захолустныхъ поселковъ.

Городъ уже окрещенъ, князь поѣхалъ теперь съ проповѣдью по его области. Мы видимъ его явившимся въ небольшой поселокъ.

День только начинается. Даль еще покрыта легкимъ утреннимъ туманомъ. По приказу князя всѣ жители высыпали изъ своихъ домовъ и размѣстились неподалеку на лужайкѣ. Здѣсь есть и старыя, и малыя; кто въ чемъ былъ, въ томъ и вышелъ. Всѣ смотрятъ на князя и на пришедшихъ съ нимъ двоихъ людей. Эти два человѣка одѣты въ черное платье; у одного блестящій предметъ въ рукахъ, у другого что-то бѣлое; на кистяхъ рукъ, какъ у того, такъ и у другого черныя бусы. Поселяне недоувѣрчиво смотрятъ и ждутъ. Возвращающійся съ охоты охотникъ тоже остановился и сдерживаетъ свою собаку. На лицахъ у всѣхъ написано полунедоумѣніе, полуиспугъ, предчувствіе чего-то страшнаго. Язычники видятъ, что за чѣмъ-то особеннымъ явился къ нимъ князь со своею

дружиной и этими странными людьми. И чувство подсказываетъ, „за чѣмъ“. До нихъ уже доходили смутные слухи, и они боязливо жмутся другъ къ другу. Укрыться — язычники боятся гнѣва князя, да и все равно бесполезно: его воины на днѣ морскомъ отыщутъ. Отъ рѣки, гдѣ на свѣтломъ фонѣ воды высится подѣ деревомъ фигура идола, идетъ другая группа поселянъ. Впереди ея виденъ волхвъ, онъ высоко поднимая руки съ какими-то священными предметами и трясеть ими надъ головою. Но ни его торжественно шествующая фигура, ни изступленные религіозные выкрики не привлекаютъ взоровъ язычниковъ, окружившихъ князя. Все ихъ вниманіе сосредоточено на двухъ черныхъ незнакомцахъ. Имъ чувствуется, что эти два человѣка, какъ два темныхъ духа, принесли съ собою гибель и волхву, и богамъ, и всему тому, что дорого язычникамъ, что сроднилось съ ихъ душой.

Но вотъ одинъ изъ черныхъ людей заговорилъ. Заговорилъ тихо, мягко, искренно. Лица слушателей напряглись. Не ожидали они ни такого тона, входящаго въ самую душу, ни, тѣмъ болѣе, такихъ словъ; въ нихъ было столько новаго, необыкновеннаго для язычниковъ, что они, забывъ недовѣріе и страхъ, всѣ обратились въ слухъ и вниманіе. Развѣ не ново было для нихъ слышать, что міромъ управляютъ не многочисленные языческіе боги, а единый Богъ христіанскій, Богъ неба и земли и всего живущаго на ней. Онъ создалъ и населилъ лѣса звѣрями и птицами, воды — рыбами; нѣтъ ни одной букашки, ни одной малой песчинки въ рѣкѣ, которая бы не была создана волею этого единаго Вседержителя Бога. Человѣкъ сотворенъ имъ по образу и подобію своему. Онъ печется обо всемъ живущемъ на землѣ; и не упадетъ ни единый волосъ съ головы человѣка, не поблекнетъ ни одна былинка травы безъ Божія соизволенія. Радѣя больше всего о человѣкѣ, Богъ христіанскій сошелъ съ небесъ, съ своего вѣчнаго престола на землю, чтобы научить людей любить другъ друга и полагать душу свою за ближнихъ. Своею крестною смертію Онъ открылъ райскія двери блаженства, и чтобы наслѣдовать это вѣчное небесное блаженство, нужно принять христіан-

ство; идолопоклонники же никогда не попадутъ въ царство Божіе.

Рѣчь проповѣдника вдохновенна. Сѣмя Христова ученія уже запало въ души многихъ слушателей; подъ грубой зако-рузлой оболочкой чаще начинаетъ биться дѣтски чистое сердце. Сейчасъ князь отдастъ приказъ своимъ воинамъ низвергнуть идола и сбросить его въ рѣку. Многіе будутъ искренно сокрушаться объ этомъ, проливать слезы. А когда деревянный, съ каменными и металлическими украшеніями, истуканъ будетъ погружаться въ воду, станутъ кричать: „Въидьбай, Боже, выдъбай!“ Но будутъ и такіе, которые скажутъ: „туда ему и дорога“. Въ ихъ глазахъ прежнее божество перестанетъ быть имъ — сдѣлается только кускомъ дерева. Эти немногіе войдутъ въ рѣку, чтобы принять крещеніе съ зерномъ искренней вѣры въ своей просвѣтленной душѣ.

Происходили, конечно, случаи не только единичнаго, но и массоваго уклоненія отъ христіанства, какъ передъ самымъ крещеніемъ, такъ и послѣ его принятія. Не желая мѣнять вѣру отцовъ, часть язычниковъ успѣвала убѣгать въ лѣса, овраги и тамъ скрывалась до тѣхъ поръ, пока князь со своей дружиной и священниками не отправлялись дальше, другая же часть, уже принявшая христіанство, но сдѣлавшая это не по убѣжденію, а изъ боязни княжескаго гнѣва, продолжала быть язычниками и послѣ крещенія. Идолы переносились въ укромныя мѣста, подальше отъ глазъ, и тамъ попрежнему справлялись передъ ними языческіе обряды и приносились жертвы. Иногда такіе крещеные язычники возвращались къ прежней вѣрѣ и открыто, но тогда они, чтобы не навлечь на себя гнѣва правительства, удалялись изъ городовъ въ селенія.

Изъ среды язычниковъ, время отъ времени, появлялись и борцы за свою вѣру. Своею проповѣдью противъ христіанства имъ иногда удавалось склонить вновь въ язычество еще неокрѣпшихъ въ новой вѣрѣ славянъ. Но правительственная власть зорко слѣдила за этимъ. Такими борцами за язычество противъ православія являлись преимущественно волхвы.

Мы приведемъ здѣсь два случая открытаго выступленія волхвовъ въ двухъ главныхъ городахъ Россіи. Оба эти случая имѣли мѣсто, много спустя времени, послѣ смерти князя Владимира. Въ 1071 году, рассказываетъ лѣтописецъ, явился волхвъ, прельщенный бѣсомъ. Пришедъ въ Кіевъ, онъ началъ проповѣдывать народу, что по пятое лѣто Днѣпръ потечетъ назадъ, и что земли будутъ переступать со своихъ мѣстъ по чужія, что греческая земля станетъ на мѣсто русской, а русская на мѣсто греческой, и что прочія земли измѣняютъ свои мѣста; и при этомъ онъ поносилъ христіанство. Судьба этого волхва неизвѣстна; вскорѣ послѣ своего появленія, въ одну ночь, онъ пропалъ безъ вѣсти: „въ едину ночь (онъ) бысть безъ вѣсти“. Второй случай болѣе характеренъ. Онъ произошелъ въ другомъ концѣ Русскаго государства. Между 1074—1078 годами, при князѣ Новгородскомъ Глѣбѣ Святославичѣ, явился въ Новгородѣ волхвъ. По словамъ лѣтописца, онъ творился аки Богъ,—говорилъ, что провидитъ все (будущее), хулилъ вѣру христіанскую и обѣщался пройти передъ всѣми по Волхову (какъ посуху). Новгородцы въ это время скорѣе еще только считались христіанами, чѣмъ были ими на самомъ дѣлѣ. Проповѣдь волхва возымѣла свое дѣйствіе: всѣ жители стали на его сторону и хотѣли убить епископа. Находчивость и рѣшительность князя Глѣба предотвратили это. Когда епископъ въ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ, вышелъ на площадь и сказалъ: „кто хочетъ вѣрить волхву, пусть идетъ за нимъ, а кто вѣруетъ (во Христа), пусть идетъ ко кресту“, то весь народъ двинулся въ сторону волхва, оставивъ съ епископомъ только князя и его дружину. Видя такой исходъ дѣла, князь Глѣбъ взялъ подъ полу своего платья топоръ и, подойдя къ волхву, обратился съ вопросомъ: „Знаешь ли, что будетъ завтра поутру и во весь день до вечера?—„Все знаю“ отвѣчалъ тотъ.—„А знаешь ли, что будетъ сегоднѣ?—Сотворю великія чудеса“,—сказалъ волхвъ. Тогда князь выхватилъ изъ-подъ полы топоръ и разрубилъ имъ волхва на двое. Народъ, ошеломленный случившимся, разошелся по домамъ.

Насаждая христіанство и проповѣдью слова Божія, и силою оружія, первые князья заботились и о будущемъ новообращенныхъ. Въ каждомъ окрещенномъ городѣ и его областяхъ оставалось по нѣскольку священниковъ для отправленія требъ и укрѣпленія въ вѣрѣ новыхъ чадъ Христа. Въ городахъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стояли языческіе идолы, строились церкви. Для богослуженія были выписаны изъ Болгаріи церковныя книги. Къ этому времени св. Кирилломъ и Меѳодіемъ была уже изображена славянская азбука, и церковныя книги были переведены ими съ греческаго на болгарскій языкъ.

Изъ числа первыхъ, построенныхъ Владимиромъ церквей, болѣе или менѣе точныя свѣдѣнія имѣются только о четырехъ. Первая, воздвигнутая тотчасъ же послѣ крещенія кіевлянъ, была во имя св. Василія (имя Владимира послѣ крещенія). Она находилась возлѣ великокняжескаго двора, на томъ холмѣ, гдѣ стоялъ прежде идолъ Перуна. Другая церковь, во имя св. Богородицы, воздвигнутая на томъ же холмѣ, была названа Десятинною. Князь опредѣлилъ на содержаніе ея десятую часть отъ своихъ доходовъ. „Даю церкви сей св. Богородицы отъ имѣнья моего и отъ градъ моихъ десятую часть“. Это былъ первый каѳедральный соборъ, построенный изъ камня; воздвигался онъ пять или семь лѣтъ. Третій храмъ Преображенія Господня былъ построенъ въ память избавленія отъ печенѣговъ; онъ находился въ гор. Василевѣ (недалеко отъ Кіева), замѣчательнѣе тѣмъ, что постройка его была закончена въ одинъ день. И, наконецъ, четвертая церковь во имя св. Василія была построена въ Вышгородѣ. Кромѣ упомянутыхъ церквей при Владимирѣ были построены и другія. Онѣ строились не только княземъ, но и частными лицами. Конечно, это были деревянныя маленькія церкви, и большинство изъ нихъ домовыя, построенныя, по примѣру Василевской церкви въ одинъ день (обыденныя) или въ очень короткое время. Не отставали отъ Кіева въ построеніи церквей и другіе города. Въ частныхъ строителяхъ, желающихъ имѣть у себя свою собственную домовую церковь, недостатка не было; а самъ князь одинаково заботился обо всѣхъ своихъ городахъ. Онъ лично объѣзжалъ

съ проповѣдниками города и области своего княжества, крестилъ народъ и обильно строилъ церкви. Преемникъ Владимира Ярославъ Мудрый воздвигаетъ въ Кіевѣ соборъ Софіи — Премудрости Божіей, въ соотвѣтствіи Софіи Константинопольской. Это была „церковь дивна и славна всѣмъ округнымъ страномъ, яко же ина не обрящется во всемъ полунощи земленѣмъ отъ востока до запада“.

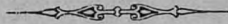
Явившись къ намъ въ страну полуварварскую изъ образованной Византіи, христіанство принесло съ собою оттуда и грамотность; принесло новыя понятія о началахъ жизни общественной и семейной, оно разрушало прежній бытъ дикарей и наущало жизни разумной, достойной человѣка. Потребность въ грамотности сказалась на первыхъ же порахъ: христіанство росло, нужны были священники, а не выписывать же ихъ было всегда отъ чужихъ народовъ. Владимиръ это предвидѣлъ, кромѣ епископовъ и священниковъ онъ выпросилъ у грековъ также ученыхъ людей и учителей. Этимъ послѣднимъ онъ отдалъ на обученіе дѣтей „нарочитые чади“, т.-е. своихъ бояръ и, вѣроятно, лучшихъ гражданъ кіевскихъ. Помимо необходимости имѣть собственныхъ священниковъ, Владимиру были также нужны грамотные люди и для государственныхъ дѣлъ. Ярославъ Мудрый для просвѣщенія своего государства не жалѣетъ ни собственныхъ силъ, ни средствъ. Онъ ѣздитъ по городамъ и собираетъ то боярскихъ, то поповыхъ дѣтей для обученія книжной грамотѣ. Кромѣ этого онъ призываетъ писцовъ и ученыхъ людей и посредствомъ списыванія съ болгарскихъ книгъ и переводовъ съ греческихъ создаетъ первую публичную бібліотеку въ нѣсколько сотъ рукописей. А чтобы сдѣлать это въ то время, нужна была громадная затрата силъ и энергіи¹⁾.

Владимиръ крестилъ Русь внѣшнимъ образомъ, сынъ его Ярославъ просвѣтилъ ее учительными книгами, давъ ей средства перейти отъ внѣшняго христіанства къ внутреннему. Но

¹⁾ Для того, чтобы создать бібліотеку въ пятьсотъ рукописей при наличности 20 писцовъ (едва ли ихъ было болѣе), требовалось времени никакъ не менѣ двѣнадцати лѣтъ (Голубинскій, стран. 191).

какъ съ внѣшней стороны, такъ и съ внутренней Русь далеко еще не вся была христіанскою. Требовалось продолжать начатое дѣло какъ въ томъ, такъ и въ другомъ направленіи. Послѣ смерти Ярослава дѣло это переходитъ въ другія руки, въ руки іерарховъ русской церкви. Они заканчиваютъ проповѣдь христіанства въ центральной тогдашней Руси и насаждаютъ его вновь на окраинахъ ея. Они проповѣдуютъ православіе и въ великой области Ростовской, гдѣ жили инородцы Весь и Меря; и въ области Муромской, и въ землѣ Вятичей съ Радимичами. Мало-по-малу христіанство проникаетъ въ самые отдаленные уголки русскаго государства. Возникающіе потомъ по лицу русской земли одинъ за другимъ монастыри возлагаютъ на себя другую половину великаго дѣла — укрѣпленіе въ народѣ началъ вѣры Христовой.

Литература: 1) Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. I и II, С. М. Соловьева. 2) Исторія русской церкви, т. I, Е. Голубинскаго. 3) Исторія христіанства въ Россіи до равноапостольнаго князя Владиміра, арх. Макарія. 4) Исторія русской церкви, т. I и II, Макарія митрополита московскаго. 5) Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ, И. Е. Забѣлина. 6) Руководство къ русской церковной исторіи, В. П. Знаменскаго.

КЪ ЭТОЙ СЕРИИ РЯДЪ ОЧЕРКОВЪ

ИЗЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Н. Г. Тарасова и А. Ф. Гартвига.

Отдѣльные небольшіе очерки предназначены для того, чтобы дополнить тѣмъ, чего не можетъ изобразить картина, и что съ точки зрѣнія составителей желательно было бы выдвинуть на картинѣ. Цѣна очерка 10—15 коп.

Въ дополненіе къ первой коллекціи подѣ редакціей

С. И. Гречушкина

10 картинъ

КЪ ЭПИЗОДИЧЕСКОМУ КУРСУ РУССКОЙ ИСТОРИИ,

предназначенныхъ для иллюстраціи элементарнаго курса какъ въ народныхъ школахъ, такъ и въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Первая серія.

1. Проповѣдь христіанства.	7. Въ Петербургѣ при Петрѣ Великомъ.
2. Въ Золотой ордѣ.	8. Суворовъ въ Альпахъ.
3. Троице-Сергіева Лавра въ XIV в.	9. Выступленіе населенія изъ Москвы въ 1812 году.
4. Походъ Ермака.	10. Освобожденіе крестьянъ.
5. Смутное время.	
6. Патріархъ Никонъ.	

Къ картинамъ — объяснительный текстъ подѣ редакціей

С. И. Гречушкина

ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ

въ видѣ отдѣльной брошюры для каждой картины.

Цѣна 30 картинъ по ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ 20 р., дополнительно

къ этой коллекціи 10 картинъ по РУССКОЙ ИСТОРИИ 5 р.

Право воспроизведенія картинъ принадлежитъ исключительно издателю.

Получать можно въ книжномъ складѣ В. В. ДУМНОВА.

1) Москва, Мясницкая, д. Обидиной.

2) С.-Петербургъ, Большая Конюшенная, № 1.